

**Образование для социальных изменений: диалектика цели и средства в
анархистском утопизме**

Научный руководитель – Сохраняева Татьяна Вилевна

Замоткин Иван Дмитриевич

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра философии образования, Москва, Россия

E-mail: zamotkin.ivan@gmail.com

Хотя традиция рассмотрения образования как агента социальных изменений не ограничена рамками анархизма и анархистского образования, в их случае можно обнаружить интересные выходы на одну из фундаментальных для философии образования дискуссий – вопросе о целях образования. В самом кратком виде эту дискуссию можно представить, как спор между сторонниками «либерального образования», которые полагают, что у образования не должно быть никаких иных целей, кроме своих собственных, и сторонниками «инструментального образования», которые видят в образовании средство для достижения каких-либо целей, в том числе, и цели трансформации общества. Вопрос, по которому идет этот спор, действительно, является фундаментальным, и он по-разному решался как в теории, так и в практике образования; в философии образования обозначенные позиции лучше всего выражает деление целей образования на внешние и внутренние, предложенное Р.С. Питерсом. [1] Сам Питерс, будучи сторонником «либерального образования», говорил о внутренней ценности или самоценности образования и различных видов деятельности, его составляющих, справедливо отмечая возможные опасности инструментального понимания образования (сведения его к средству для достижения экономического успеха и карьерного роста, повышения социального престижа и т.д.). Согласно этой позиции, наряду с экономическими целями, такими же внешними, «инородными» по отношению к образованию, будут и цели политические, как то, например, обеспечения равенства и социальной справедливости средствами образования. Х.Арендт, критикуя движение «прогрессивного образования» как пример воплощения идеи школы как агента социальных изменений, отмечала, что как только образование выходит из сферы частных интересов и становится сферой публичного, то есть политического, оно оказывается средством утверждения политической утопии. [2]

Кажется, нетрудно определить место анархизма в этой дискуссии. Так, многие теоретики анархизма и деятели анархистского образования эксплицитно выражали свое представление о роли образования для утверждения и поддержания анархического общества. Более того, анархизм, пожалуй, больше чем какая-либо другая политическая теория ассоциируется с утопией, и в этом отношении установка на радикальное изменение общества, принятая в анархизме, также представлена в предельно явном виде. Однако стоит отметить, что сама природа анархистского утопизма при внимательном изучении создает возможности для более нюансированного (в противовес «простым, прямым ответам») рассмотрения вопроса о целях образования: предложения альтернативной перспективы, своего рода диалектики цели и средства, позволяющей отказаться от выбора между рассмотрением образования как средства для достижения цели и как самоцели. Такая альтернатива возможна в случае, если признать, что анархизм представляет из себя «не-априорный» вариант утопизма, который не предполагает конечной, предустановленной картины будущего (в отличие от априорного утопизма *à la* платоновское государство). Конечно, анархизм предлагает целый набор ценностных установок, которые в случае анархистского

образования не скрываются, как это часто делается в других не-авторитарных педагогиках, напротив, явно артикулируются в форме прямого антиэтатистского (а также антикапиталистического, антимилитаристского и антиклерикального) сообщения в содержании образования. [3] Однако эти установки становятся не идеологией, описывающей утопическое завтра, а «руководящим принципом» сегодня, в данный момент и на все времена. Об этой разнице между утопизмом как зрением интеллектуалов (политиков, философов, архитекторов), создающим идеальный утопический проект, существующий лишь как способ мышления и поэтому не могущий воплотиться, и утопизмом как практикой, образующей реально существующее утопическое сообщество, убедительно говорила Д.Димке в своем исследовании ленинградской Коммуны юных фрунзенцев. [4] Этот пример, конечно, не относится, строго говоря, к анархистскому образованию, но сам принцип существования такой коммуны и ее история (в том числе, конфликты с «внешним миром» — большим советским проектом) схожи с тем, какая роль в анархизме отводится образованию.

План социальных изменений в анархизме не предопределен, а является предметом для экспериментирования, начало которого должно состояться уже сейчас (в условиях сильного государства и развитого капитализма). В таких условиях подобные эксперименты могут происходить только в масштабах отдельных сообществ и могут принимать различные формы (в том числе, и защищающие действующие публичные институты). Образование становится одним из многих фронтов борьбы, тактической по своей природе. Идея стратегического мышления во многом скомпрометировала себя, и обвинения в утопизме в адрес анархизма справедливы для многих современных политических решений в сфере образования. В анархизме (даже в его «классическом» варианте) эта идея отвергалась: так, описывая творческую эволюцию Кропоткина, российский исследователь А.В. Шубин пишет о понимании им анархизма как «долгого пути»:

«Прежде чем совершится анархическая революция, — очаги альтруизма должны возникнуть и укрепиться в обществе. Анархия возникает сначала не как всеобъемлющая структура общества, а как субкультура, образ действия части людей: ‘Анархия — не утопия на будущие времена, а одухотворяющий принцип для действий во всякое время: сегодня, так же как и завтра’. Утопия Кропоткина, которая была наивной применительно к обществу в целом, более применима к небольшим коммунам и сообществам». [5]

При этом утопический элемент в анархизме сохраняется и важную роль в его поддержке играет образование. Как отмечает современная исследовательница Дж. Сьюсса в анархизме школа имеет двойное значение: во-первых, она выступает как прообраз будущего анархистского общества, и во-вторых, она является доказательством того, что такое общество в принципе возможно. [6] Иными словами, именно в пространстве анархистского образования становится возможным не мыслить, а практиковать утопию, не описывать, а создавать альтернативные отношения, которые разрывают с доминирующим социальным порядком. Это пространство неправильно рассматривать только лишь как средство для достижения желаемых социальных трансформаций, не является оно и самоцелью. Таким образом, в анархистском утопизме обнаруживается уникальная перспектива — позиция, которая выражает диалектику цели и средства в вопросе о соотношении образования и социальных изменений.

Источники и литература

- 1) Peters, R.S. Ethics and education. London: Allen and Unwin, 1966.
- 2) Арендт Х. Кризис в воспитании // Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / пер. с англ. и нем. Д.Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

- 3) Таким, например, был учебный план анархистской «Современной школы» Ф.Феррера. См. Феррер-и-Гуардия Ф. Современная школа: пер. с исп. / вступ. ст. Д.И. Рублева. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2012.
- 4) Димке Д.В. Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х годов — М.: Common place, 2018.
- 5) Шубин А.В. П.А. Кропоткин: от радикализма к умеренности // Петр Алексеевич Кропоткин; под ред. И.И. Блауберг — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2012. С. 185.
- 6) Suissa, J. 'The space now possible' : anarchist education as utopian hope. In L. Davis, R. Kinna (Eds.), Anarchism and utopianism (pp. 241-259). Manchester: Manchester University Press. 2010.